

Перекресток Судьбы

Житейская философия импозантного бомжа и страдающего однолюбца

Коллаж Марина НИКОЛАЙЧУК

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ с ним в кафе «Бистро», в котором, как оказалось, не всегда готовят быстро...

Чтобы окунуться в настроение народное, периодически я заглядываю в какую-нибудь забегаловку или сажусь в трамвай. И качу с правого на левый. Истинный кайф получаю от поездок в переполненном вагоне. Полтора часа туда и обратно – и у главного редактора тем на целый месяц.

На сей раз моим «хождением в народ» стал визит в кафе. Съев две порции не очень вкусных пельменей, попросил официантку принести чай.

В это время в кафе вошли двое мужчин божатского вида. Один из них держал в руке бутылку водки. Бросился в глаза наколка на четырех толстых пальцах: «ОВАН». Почему «ОВАН»? – удивился я. А может, «ОВЕН»? Потом, когда бомжи сели за стол и «ОВАН» растопырил свою пятерню, что-то доказывая уже хорошо подвыпившему другу, я узнал его полное имя – «ВОВАН».

Заказав по чебуреку и по порции пельменей, они быстро хрюкнули по одной, запив зелье минералкой.

Чебуреки принесли им быстро. Под них бомжи разлили еще по одной и позвали официантку.

– Эй, кафе «Бистро», нам пельмени быстро, – пробурчал Вован.

– Вам что, сырые подать? – съязвила официантка.

– Не огрызайся, пельмени тащи, – голосом прожженного урки ответил ей Вован.

Чашечку чая я растянул на десять минут, с любопытством наблюдая за импозантными бомжами.

Когда им принесли пельмени, водка уже была выпита, а друг Вована находился в состоянии пьяного человека, о котором говорят: уснул в винегреде.

Я подошел к их столику и обратился к Вовану:

– Мне кажется, вы интересный человек, и я хотел бы с вами встретиться...

– Ты чё, голубой?

– Да нет, у меня правильная ориентация...

– А чё тогда встречаться?

– Поговорить.

– Ты чё, журналиста что ли?

– А что, по мне видно?

– По роже и рукам видно, что не сталевар.

– Я – главный редактор газеты «Магнитогорский металл».

Вован вскочил со стула, подставил мне стул.

– Ой, извините, садитесь. Извините, что «растянулся» с вами.

– Ничего страшного... Поговорим?

– А чё говорить? Я же бомж.

– Но вы же человек.

– Вы первый, кто обращается ко мне на «Вы»...

– Так поговорим?

– Поговорим, поговорим, только давайте Сергею проводим, вот надрался, как скотина. Горе у него. Неладно назад матушку похоронил. Жалко мне его. Совсем один остался.

– А где он живет?

– Вы чё не знаете, где бомжи живут? В подъездах, в подвалах, на чердаках...

– Так куда Сергею-то будем провозить?

Вован стал тормозить пьяного в дым друга.

Тот тупо поднял голову и послал его на три буквы.

Вован полез в карман Сереегина засаленного плаща и достал помятый клочок бумаги.

– Вот адрес его чувихи. Серега просил, мол, если напьемся, отвезти к ней...

Сереегина «чувиха» жила в шитовом доме на поселке Крылова. Мы посадили его на такси. Я дал таксисту деньги и адрес чувихи.

– Ты только его до двери доведи, – попросил его заботливый Вован.

– Где говорить-то будем, товарищ главный редактор.

– Давай вернемся в кафе, товарищ бомж, закажем...

– Я не хочу есть эти говенные пельмени, – перебил меня Вован.

– Володь, пойдем в другое кафе.

– Пойдем, только у меня денег нет.

– Я угощаю.

В другом кафе, где были вкусная пицца и ледяная водка, мы проговорили с Владимиром целых два часа.

Ему сорок два. Шесть лет отсидел в тюрьме. Срок получил за убийство.

– Застал жену в постели с прыщавым интеллигентом. Взял чугунную сковородку и кухонный нож, два раза шарахнул сковородкой этого вонючего прыща по башке, и нож не понадобился, этот гад сразу концы отдал. Сам вызвал милицию. С тех пор всех баб презираю. Ох, как же я любил Валюху. Сука. Я ее и сейчас люблю.

Резким движением Вован рванул на себе вельветовую рубашку и обнажил бледную грудь с редким волосатым покровом. Ткнул указательным пальцем в наколку: «Я люблю тебя, Валюха!»

– Так вот и буду всю жизнь носить в душе этот крест несчастной любви. А ладно, чё плакаться, налей-ка мне лучше...

Одним жадным глотком он осушил почти половину пластмассового стаканчика, отломил кусочек ароматной пиццы, но закусывать не стал. Замолчал. Потом неожиданно сказал:

– Пойдем на улицу, покурим.

– Я не курю, но пойдём...

Затянувшись едким дымом суррогатной сигареты, Вован брезгливо выплюнул ее.

– Правильно делаешь, что не куришь, – похвалил он меня.

Мы вернулись в кафе. Помолчали. Так хорошо начавшийся наш разговор не клеился. Мой собеседник уходил в себя.

– Станислав, а давай чаю горяченького с лимоном поьем, что-то душа стала подмерзать, даже водка ее не разогревает.

– Давай... А к чаю что-нибудь заказать?

– Закажи шоколадку с орехами. После горького сладкого захотелось.

Похлебывая душистый чай, Владимир сам стал рассказывать про свою жизнь.

– Нары у меня были под Красноярском. Первый год писал письма Валюхе, сеструхе, матери...

– А сам-то родом откуда?

– Челябинский я. Там родился. Сестра Томка там же родилась. Томка живет в Магнитке, на левом берегу. С любовью у нее тоже неудачи. Два раза замуж выходила через ЗАГС. Сейчас живет с Васьком, он старше ее на 15 лет. Вдовец. Мужик хозяйственный, но больно уж жадный. Правда, Томка с ним как за каменной стеной. Но когда я к ним приду, он все косится, будто боится, что сопру я что-нибудь. Да я у них долго и не засиживаюсь. Просто сестру иногда охота повидать. Ведь единственный родной человек у меня остался.

– А что с Валюхой, с мамой?

– Когда писал жене из тюрьмы, она ответила лишь на первое письмо.

Ответила коротко: пошел ты на... бандюга! А матушка умерла в Челябинске. У нее была однокомнатная квартира. Квартиру мы с Томкой продали, деньги поделили. Пока мне есть на что бомжевать. На книжке тысяч семьдесят лежит еще. Снимаю понемногу. Иногда тысячи три, чтобы погужевать, то есть праздник для души устроить. Помнишь, как у Шукшина в «Калине красной».

Это мой любимый фильм. В зоне часто его крутили. У меня всегда слезы наворачиваются, когда на экране Ваську убивают.

– Убивают не Ваську, а Егора Прокудина, главного героя, – поправляю я Вована.

– Но играет-то его Васька Шукшин, – настаивает на своем мой упорный собеседник.

– Володя, а где ты работал? И профессия у тебя какая?

– До тюрьмы в нескольких местах. В ПТУ учился на электросварщика.

Пахал в основном на стройках, на шашках...

– А почему сейчас нигде не работаешь?

– Ну, это уже прокурорский допрос, товарищ редактор.

– Извините, товарищ бомж.

– Вот вы, журналисты, любите копаться в чужих душах. Все чё-то спрашиваете, спрашиваете, а раскроете вашу газету, а там журчанье только про начальников.

– Ты не прав, мы пишем не только о начальниках...

– Хотя бы раз настоящую, большую статью про бомжа написали. Вот Серега, мой друган. Хотя он, скотина, и нажрался сегодня вдрыбаган, но это же тонкая материя. Стихи какие пишет! Не о бабах, не о чувихе своей – о природе, ветре, снеге и о дожде.

«Капля водки, как капля дождя, всякий раз пробуждает меня...» – это Серега написал. Прямо как Есенин...

– Володя, ты вот толковал про газетное «журчанье», про то, что пишем мы только про начальников... Откуда выводы такие? Газеты-то сам читаешь?

– Читаю. Люблю «АиФ». «Металл» частенько читаю. «Металл» читаю, когда к сеструхе прихожу, она получает, ее вдовцу бесплатно на комбинате выписали. Иногда «Металл», особенно субботний, тырю из почтовых ящиков. По субботам у вас есть что почитать, но первые ваши парадные полосы про начальников не читаю...

– Что-то ты агрессивно настроен против начальников...

– А чё они хорошего для людей делают? Вчера приезжаю к Томке. Бля... Железная дверь в подъезде стоит, и хрен попадешь к сестре. Ладно, на первом этаже живет, отламываю от дерева ветку, стучу ей в окно, матерюсь, а она радостно верещит: «Вот теперь никакая шушера в подъезд не попадет. Это депутаты Рашников с Морозовым о нас позаботились...»

– Так разве это плохо, что руководители о безопасности людей думают?

– А о нас, бомжах, они подумали? Зима на дворе, а теперь с этими железными дверями хрен в подъезд попадешь...

Я успокаиваю разворчавшегося Володю, перевожу разговор на другие темы, пытаюсь глубже проникнуть в его внутренний мир: что думает о боге, о судьбе, о России, о сегодняшней жизни, встречается ли с женщинами, в конце концов. Он, как хитрый карась, не клюет ни на одну мою наживку.

– Станислав, не лезь ко мне в душу... Все равно я тебе все не расскажу.

Я достаю из целлофанового пакета купленный накануне в близлежащем книжном магазине томик Игоря Губермана «Праздники на каждый день». Это книга-календарь. В календаре этом 367 праздничных дат, и каждый день превращается, таким образом, в праздник. К тому же он весьма пригоден и для гадания.

Поскольку наш век возмутительно краток, я праздную каждый свой день как удачу, и смерти достанется жаккий остаток здоровья, которое

сам я растрачу, – прочитал я Владимиру финальные строки из календаря Губермана.

– Обалденные слова, а кто книжку написал? – удивленно раскрыв глаза, спросил Вован.

– Игорь Губерман.

– Еврей?

– Еврей.

– Еврей – они умные. А я об этом Губермане никогда не слышал. Видать, и Серега мой о нем не слышал ничего. Станислав, подари мне Губермана, хочу чтобы у меня каждый день был праздник, память будет о встрече с тобой. Ты мне показался умным, добрым и не жадным.

– А ты мне показался философом и однолюбом...

Я подарил Владимиру томик Губермана, и мы, еще раз обменявшись комплиментами, расстались. Расстался, как и встретились – на перекрестке СУДЬБЫ.

Станислав РУХМАЛЕВ.